

А. М. Самозванцев

АРТХАШАСТРА И ДХАРМАШАСТРА: ПРАВО И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЖАНРОВ

В настоящей работе исследуются системы правовой терминологии *Артхашастры* и *дхармашастры* с точки зрения складывания правовой ветви дхармашастры в процессе эволюции обоих жанров литературы древней Индии. Не зная систем правовой терминологии со всеми их особенностями, едва ли будет возможным проследить процесс включения артхашастры в дхармашастру не на уровне композиции памятника данного конкретного жанра, а на уровне принятой в нем терминологии.

Другая, более важная проблема, стоящая перед историком, изучающим индийское право, заключается в рассмотрении особенностей функционирования права в сочинениях артхашастры и главным образом дхармашастры: на кого они ориентировались, каким образом воспринимались индийцами в древности? Ответ на этот вопрос поможет понять, почему в период раннего средневековья содержащие правовой материал дхармашастры становятся авторитетными правовыми текстами (и это право на известных уровнях социальной организации остается жизнеспособным в современной Индии). Для решения этого вопроса, на наш взгляд, необходимо установить, в чем именно состоит специфика правового текста дхармашастры, отличающая его от текста артхашастры, что именно позволяло первому функционировать в качестве авторитетного правового текста (в данном случае мы не подразумеваем под «текстом» жанр). Составив более четкое представление об истоках правовой традиции артхашастры и дхармашастры, и в частности традиции терминологической, оказывается возможным связать два круга проблем — функционирования права и специфики правового текста.

Обращаясь в данном случае к праву, мы имеем в виду особенности текста сочинений артхашастры и дхармашастры, выстраивая следующую логическую цепь: системы права и их компоненты, их особенности и их взаимодействие под углом зрения развития жанров.

Мы обращаемся здесь к некоторым понятиям индийского права, которые рассматривались в наших предыдущих работах¹; эта статья в определенном смысле является их продолжением. Но в данной работе нам кажется более важным обратиться к праву не как таковому, а к праву как «информационной сетке», составленной из терминов, изменения в которой связаны с эволюцией жанров и позволяют проследить эту последнюю.

Право «Артхашастры» (здесь имеется в виду памятник, а не жанр) уже достаточно подвергалось изучению преимущественно в работах общего характера типа монографических исследований Б. Брелера и

¹ Речь идет прежде всего о монографии «Теория собственности в древней Индии» (М., 1978) и статье с аналогичным названием, опубликованной в ВДИ, 1978, № 2 и представляющей собой доработанный вариант первой главы книги.

Р. П. Кангле². Системно право в таких работах не рассматривалось. Оба известных индолога, будучи юристами, глубоко изучили юриспруденцию «Артхашастры». Однако, на наш взгляд, для изучения правовых и прочих моделей (в том случае, если мы задаемся целью установить, как именно конкретный источник моделирует тот или иной материал) необходим синтез собственно правовых и прочих знаний с четким представлением о том, какое место в кругу древнеиндийских памятников занимает данный источник или источники, в чем выражается существующая между ними взаимосвязь.

Совершенно очевидно, что в «Артхашастре» представлены те же правовые идеи, что и в дхармашастрах, и речь может идти о других терминах, а не понятиях. Что же касается специфики и степени развитости этих представлений в памятнике, то право «Артхашастры» имеет две существенные особенности. Во-первых, исследование ее терминологии показывает, что «Артхашастра» в отличие от дхармашастр содержит хронологически однородный пласт правовых представлений³. Ее юридические термины моносемантичны. Они складываются в жесткую схему, ни один из терминов-элементов которой не позволяет проследить эволюцию его семантики, подобную той, что мы видели на примере термина *агама* в дхармашастрах. Для того чтобы сложилась столь четкая, законченная система терминологии, этому сложению должна была предшествовать чрезвычайно длительная эволюция в сочинениях артхашастры. Кроме того, на саму эту эволюцию должна была оказать свое влияние и особенность функционирования самого жанра артхашастры. Наконец, «Артхашастра» употребляет однородную, присущую ее собственному жанру правовую терминологию, в то время как дхармашастры используют наряду с собственной также терминологию артхашастры и эта их особенность наряду с своеобразием функционирования жанра дхармашастры придает эволюции ее правового материала особую окраску.

Во-вторых, хотя право «Артхашастры» представлено в научном трактате со всеми вытекающими отсюда последствиями, это право не формализовано в том смысле, что в каждом конкретном случае оно предлагает законченное и недвусмысленное решение того или иного юридического вопроса, учитывая самые разнообразные юридические казусы (хотя, с другой стороны, именно жесткий схематизм подобной системы права заставляет думать, что она — прежде всего плод науки и в наименьшей степени может быть приложима к решению вопросов из области правовых реалий). В то же время в дхармашастрах заметно обратное явление: здесь из общей правовой модели-основы выводится все больше конкретных элементов, и это тем заметнее, чем позже составлен памятник. Именно потому, что подобная модель, в своих общих принципах, безусловно, отвечающая общим принципам организации действующего права, более нивелирована, она более приложима к правовой практике. В этом отношении к «Артхашастре» ближе ранние *смрити* «Ману» и «Яджнавалкья», на первую из которых оказали заметное влияние сочинения жанра артхашастры, предшествующие складыванию известного компендия, а на последнюю — прежде всего сама «Артхашастра».

Термины, которые будут рассмотрены ниже, конечно, не исчерпывают всего понятийного аппарата права «Артхашастры», но именно они образуют то ядро, которое собственно и конституирует правовую систему данного памятника и жанра в целом. Некоторые понятия, например, *деша*, *свакарана* или *сампурачара*, обнаруживают типологические параллели в системе европейского права.

² Breloer B. Kautaliya-Studien. Bd. II Altindisches Privatrecht bei Megasthenes und Kautilya. Bonn, 1928; Kangle R. P. The Kaustiliya Arthashastra. Pt. III. A Study. Bombay, 1965, chapt. 9.

³ Самозванцев А. М. К вопросу об эволюции древнеиндийской теории собственности. — В кн.: Некоторые узловые проблемы истории Индии. М., 1981.

Наиболее важный с точки зрения нашей проблематики материал содержит глава «Артхашастры» III.1, в которой толкуются действительные и недействительные юридически значимые действия (сделки). Построение первой ее части до описания процессуальной процедуры таково: сначала излагается общее правило о недействительных сделках (III.1.2), затем — наказание за нарушение этого правила (III.1.3—5), исключения к каждому из условий недействительной сделки (III.1.6—11), затем — дополнительные условия, делающие сделку недействительной (III.1.12—13), в которых, в свою очередь, указываются исключения из них, наказания за нарушение правил (III.1.14) и, наконец, дается общая формулировка действительного с точки зрения индийского права юридически значимого правового действия (III.1.15).

В дхармашастрах подобная общая характеристика юридически значимого правового действия отсутствует. Последний текст «Артхашастры» — III.1.15 — формула валидного действия, из которой выводятся по сути дела все формулировки незаконного действия, перечисленные выше, а равно и все казусы *вьявадхари* (искового права) во всем разделе *дхармашастрия* (область деятельности судей-дхармашастра), — вообще является единственным в своем роде в древнеиндийской литературе, а формулу, вне всякого сомнения, можно считать вершиной правовой мысли древнеиндийских юристов⁴. Одновременно эта формула содержит все важнейшие понятия правовой системы «Артхашастры» (артхашастры), на которых следует остановиться подробнее.

Текст III.1.15 наряду с тем, что он подразумевает любое юридически значимое правовое действие, представляет собой наиболее распространенное действие — сделку по приобретению-отчуждению имущества. В этом разделе перечисляются необходимые компоненты, делающие сделку законной. Примечательно, что зафиксированная в тексте формула не

⁴ Определяя «Артхашастру» как «единственный в своем роде» памятник литературы, мы, вероятно, не всегда задумываемся над тем, насколько длительная и мощная традиция сочинения подобных по жанру текстов должна была предшествовать их появлению; равным образом, мы не всегда задаемся вопросом, а почему до нас дошла одна «Артхашастра», а остальные памятники жанра безвозвратно канули в прошлое? Нам представляется, что «Артхашастра», объединившая различные направления деятельности школ артхашастры, не может не быть последним и единственным в своем роде трактатом данного жанра, поскольку вместе с ней, по всей видимости, наступает «смерть» жанра. Происшедшее на определенном этапе их эволюции включение артхашастры в дхармашастру, конечно, оказало свое влияние на утрату артхашастрой авторитета правового текста, ибо ее темы функционировали отныне в сочинениях не своего жанра. Однако, по нашему мнению, едва ли не большее значение здесь имел процесс так называемого «насыщения» жанра, когда функционировавшие ранее независимо друг от друга темы разных направлений деятельности «макрошколы» артхашастры оказались сведенными воедино в рамках гигантского компендия — «Артхашастры Каутильи»: «Артхашастра». Таким образом, в функциональном отношении поглотила остальные сочинения жанра. Мы полагаем, что возможности развития жанра оказались тем самым исчерпаны, тем более, что важные побудительные мотивы его функционирования, питающая его среда исчезли (а артхашастра активно функционировала в виде разнородных «блоков информации» устной и письменной традиции — от наставлений царям до регистров, фиксирующих местные обычаи, указы и инструкции чиновникам, первоначально преследуя утилитарные цели, затем — все более превращаясь в науку, и все это — одновременно со становлением индийской теории государства). С дхармашастрами случилось иначе: «насыщение» жанра, т. е. исчерпывающее полное освещение набора заданных тем, произошло здесь, видимо, на стадии составления ранних «великих» дхармашастр. Более поздние смрити занимаются уже спекулирующей на темы, заданные дхармашастрой, превращаясь зачастую в схоластические классификации (рассуждая гипотетически, нужно признать, что при других обстоятельствах это могло произойти и с артхашастрой). Однако внешние побудительные мотивы, источники, питавшие жанр, здесь сохранились (их нужно искать уже в сфере *ачара* — поведения благочестивого индийца, продолжавшего и в средневековой Индии жить нормами брахманизированного общества; именно они воспрепятствовали «смерти» жанра). Таким образом, мы считаем, что «насыщение» жанра, как мы его понимаем, не ведет к его исчезновению, если остается жизнеспособной питающая его среда.

различает приобретение-отчуждение имущества в собственность и во владение. Она универсальна, но дифференциация находит выражение не в самой формуле юридически полноценной *вьяхахари*, а в ее компонентах, которые в разном юридическом контексте получают и различное значение. Универсальность формулы проявляется и в том, что она учитывает объекты сделок разных типов: так, *прамана* — «размер» — может иметь отношение как к движимости, так и недвижимости, но характеристика объекта *рупа* — «форма», по-видимому, касалась уже только движимостей, например, животных (см. IV.6.10), а *гуна* — качественных характеристик людей и животных.

Сделка признавалась законной, если она отвечала восьми компонентам *вьяхахари*, т. е. восьми требованиям: она должна была заключаться в пределах места и времени, которые соответствовали *варге* — категории данных контрагентов. Сделка должна была иметь под собой законное основание — *свакарану*, например, документ, подтверждающий право собственности на объект, который собственник отчуждал путем сделки. Оба контрагента, совершающих юридически значимое правовое действие, должны быть в момент заключения сделки фактически дееспособными — *сампурначара*. Законность сделки должна подтверждаться соответствующими гарантиями — свидетелями или документом, одновременно фиксировавшими те права, которые приобретал покупатель в отношении купленного имущества. Причем и свидетель и документ должны были отвечать определенным требованиям, удовлетворяя которым, их свидетельства становились законными — *шуддхадеша*. Наконец, лицом, отчуждающим имущество, и лицом, его приобретающим, должны быть предварительно обговорены форма — *рупа*, признаки *лакшана*, размер (количество) — *прамана* и качество — *гуна* объекта сделки. Они должны были быть очевидными — *дршита* — для обоих контрагентов и свидетелей и указывались в документе или фиксировались в памяти свидетелей (*sve sve ty varge dese kale ca svakaranakṛtāḥ sampūrṇācarāḥ śuddhadēsā dr̥ṣṭarūpalakṣaṇapramāṇagūṇāḥ sarvavyavahāra sidhyeyuḥ*).

Некоторые из этих характеристик объекта, например размер (скажем, земельного участка) или форма предмета, не нуждаются в специальных пояснениях, как, впрочем, и их признаки. Понятие *гуна* — качество — есть та важная характеристика объекта, отсутствие которой рассматривается как *авишахья* (т. е. «то, что не может быть приемлемо»), когда сделка между контрагентами расторгается (III.15.4). По нашему мнению, *гуна* — это набор качеств, необходимых для извлечения из имущества его полезных свойств; причем если такие характеристики товара, как форма, признаки, размер, были количественными и имели отношение как к движимостям, так и недвижимостям, но вещам, т. е. предметам неодушевленным, то *гуна* была важнейшей характеристикой товара, имеющей отношение в первую очередь к животным (а также к людям). Так, в тексте II.18.4 применительно к вещам даются все эти характеристики, за исключением *гуна*. Не случайным кажется и то обстоятельство, что составитель «Артхашастры» наряду с прочими понятиями раскрывает понятие *авишахья* в главе III.15: примеры, иллюстрирующие расторжение сделок, необходимым образом должны включать и те случаи, когда оно происходит вследствие отсутствия важных качественных характеристик у людей и животных (*гуна* — «качества», «достоинства» — см. III.15.16). Поэтому *гуна* противопоставляются в тексте *ниргуна* — «недостаткам», которые имеются в виду, например, в III.15.12—15. В этой главе, как и в остальных главах раздела *дхармашастрия*, раскрываются, следовательно, те компоненты *вьяхахари*, общая формулировка которых дается в III.1.15.

Теперь, после того как дана формальная характеристика компонентов *вьяхахари*, мы намереваемся дать им, а также некоторым другим понятиям, характеристику по существу, проведя аналогии с правовой системой *дхармашастры*.

Карана, как и прочие юридические термины «Артхашастры» (а этот не обязательно употребляется в правовом контексте), — моносемантический термин, имеющий значения «основание», «причина», которые в контексте можно толковать довольно широко (см. помимо III книги памятника: I.11.21, I.17.13, I.19.32, II.7.32, II.29.25, II.35.10, IV.6.12, IV.7.11, IV.7.24, IV.8.11, IV.10.17, V.2.68, V.6.28, V.6.45, VI.2.38, VII.3.8, VII.5.24, VII.5.38, VII.6.23—26, 28, 36, VII.7.31, VII.8.1, VII.9.49, VII.11.43, VII.15.12—13, VII.16.25, VIII.2.26, XII.5.49). В юридическом контексте этот термин передает причину или основание, позволяющие установить наличие какого-то конкретного факта, а также сам факт совершения определенного действия или его мотивировку, или освобождающие от ответственности то или иное лицо, если совершенное им юридически значимое действие ставится под сомнение с точки зрения существующих правовых норм. В частности, это причина, мотив совершения юридически значимого правового действия (например IV.10.17). Но чаще это причина основания, повод, имеющие более общий смысл (как «причина» пребывания в данном месте — *васакарана* — в II.35.10, IV.7.24). *Упанипата* — бедствие, несчастье — тоже может выступать как карана, освобождающая то или иное лицо от ответственности.

Именно потому, что диапазон контекстов, в которых встречается упомянутый выше термин, очень велик, в каждом конкретном случае его следует рассматривать отдельно. Так, в тексте IV.8.9—11 карана выступает в виде «признаков» — орудия преступления, советчиков, помощников и т. д., доказывающих виновность обвиняемого или, напротив, его невиновность; с их же помощью устанавливается степень виновности. В другом тексте (III.11.12) карана — веское основание, причина, позволяющие кредитору не принимать выплачиваемый ему должником долг. В III.9.20 карана представляет собой уже *bona fides* — добросовестность землепользователя, неумышленно, в связи с отсутствием пограничных (межевых) законов обработавшего часть чужого поля и снявшего с нее урожай.

Центральным для правовой системы «Артхашастры» является понятие карана — юридический аргумент, доказательство. Оно эквивалентно понятию *праманам тривидхам* (трехчленное юридическое доказательство: документ, свидетели, пользование) в литературе дхармашастр, поскольку включает в себя доказательства всех трех типов.

В III.1.19 поясняется, что карана делится на устные и письменные свидетельства (*сакшья, деша*). Именно путем рассмотрения юридической аргументации сторон, т. е. тех же карана (в традиции дхармашастры — *прамана*), суд выносит суждение по делу и приговор, что можно видеть, в частности, на примере текста IV.8.13. То же значение этот термин получает в III.12.37—38, где ремесленник получает от заказчика материал для обработки (или вкладчик передает вклад его хранителю) без оформления сделки в присутствии свидетелей, которые в данном случае выступают разновидностью карана. Соответственно в III.12.53 говорится, что сделка, объектом которой является *никшепа* (материал для обработки или вклад), должна совершаться в присутствии свидетелей, что необходимо для избежания ситуации, описанной в III.12.37, где вследствие отсутствия свидетелей при заключении сделки *никшепа* утрачивается для собственника.

Как явствует из текста III.16.29, в суде могла рассматриваться тяжба между собственником поля и его несанкционированным пользователем. Иначе говоря, в ряде случаев *бхога/бхукти* — пользование ответчика — тоже могло выступать как карана — его юридическая аргументация, доказательство в суде, и пользование при этом считалось карана, если подтверждалось свидетелями, представляющими интересы ответчика-пользователя. Непосредственно в качестве юридического аргумента — как документ или свидетель — *бхога-пользование* выступать в суде не могло. В этом смысле примечательно противопоставление *деша* (документ) — *бхога* (пользование) в III.16.29.

Карана является, таким образом, не только доказательным, но и приобретательным юридическим авторитетом, т. е. она предоставляет ее предьявителю известные права на тот объект, по поводу которого ведется тяжба в суде или который приобретается путем сделки. Тем самым функциональная характеристика карана перекрещивается с функциональной характеристикой праманам тривидхам, известной из дхармашастр⁵.

«Орудийная» семантика термина карана, производная от его этимологии, очевидна. Термин карана в этом значении весьма распространен в «Артхашастре» и встречается чаще, чем термин с тем значением, которое мы рассматривали выше (II.10.43; II.13.85; II.14.3; III.10.36, 40; III.13.21, 37; III.14.1; III.18.9; IV.17.57; V.2.8, 31; VII.5.21, 23; X.1.4. Другое значение термина: «учреждение», «должность» — II.5.8; II.7.8; III.12.13 и др.).

В дхармашастрах, как уже указывалось выше, праманам тривидхам — понятие, аналогичное карана в «Артхашастре». Оно неоднократно встречается в дхармашастрах, например в «Яджнавалкье» II.22 и «Нараде» I.65, где дается общая его формулировка. Концепция прамана — трехчленного юридического авторитета, посредством которого приобретается власть над имуществом или доказываются права на него, традиционна для литературы дхармашастр. Она сложилась задолго до составления дхармашастр «Ману» и «Яджнавалкья». Этимология термина (он произведен от глагола пра-шā «мерить», «измерять» и употребляется наряду с термином прамана с семантикой «размер», «величина») была очевидна древнеиндийским юристам, чем следует объяснить краткое этимологическое вступление Виджнянешвары в его обширном комментарии к «Яджнавалкье» II.22 и более обстоятельный комментарий такого же рода Асахая к тексту «Нарады» I.68, в котором он возводит этимологию термина к тому же глаголу. Асахая пишет, что в ряде случаев какое-то имущество, предмет и пр. следует измерить (прамеуам): узнать действительные размеры можно с помощью определенных праманов, т. е. мер. Точно таким же образом посредством счета можно вычислить, подсчитать то, что подвергается счету. И точно так же нуждающиеся в том, «чтобы их измерили» (т. е. в доказательстве), предметы судебных исков в количестве восемнадцати выясняются с помощью праманов: документа, свидетелей, пользования и ордалий.

Термин прамана встречается и в «Артхашастре», где он обозначает то, что авторитетно, важно, имеет значение, должно приниматься во внимание. Иногда его семантика еще менее определена, но нетрудно заметить, что текст, в котором он встречается, всегда построен в виде формулы: нечто (некто) есть прамана (имеет значение, важно и так далее). Подобная формула имеет весьма древнее происхождение и характерна для традиции дхармашастры. На данном логическом уровне восприятия понятие прамана выступает не как объект — определяемое, а как определитель. Для другого уровня восприятия, сложившегося позднее (но в любом случае этот уровень является хронологическим прошлым по отношению к традиции дхармашастры, так как он представлен уже в дхармасутрах, см. «Васиштха-дхармасутру» XVI.10), примечательно уже иное деление: здесь определитель — прамана — превращается в определяемое, и ценностная характеристика понятия содержится в нем самом, а не вне его (см. «Нараду» в версии Асахая: I.68—69, 74, 76, 95 и т. д.). Термины с разными семантическими полями, отвечающие этим двум уровням восприятия, присутствуют в одних и тех же сочинениях дхармашастры, что также является особенностью данного жанра.

В «Артхашастре» в юридическом контексте с употреблением той же конструкции термин прамана приобретает то же неопределенное значение. Так, согласно III.11.25—26: «(Если обвиняемый) признался — лучше

⁵ См. Самозванцев А. М. Юридическая аргументация в древнеиндийском праве. — В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. М.: Наука (в печати).

всего. А (если) не признался, прамана (суть) свидетели»⁶ (ср. III.19.21). А в тексте III.12.35 говорится: «При похищении никшепы решающим аргументом (являются) прежнее поведение (проступки.— А. С.) (ремесленника) и (показания других) лиц, дававших никшепу»⁷. С последним текстом можно сопоставить III.18.6. Или в соответствии с I.11.3: «Руководствуясь указаниями царя и моими, что у кого увидишь дурного, тотчас сообщай»⁸; I.16.27: «Опрошенный другим (врагом.— А. С.) пусть не сообщает о значении своих основ (т. е. государственных факторах.— А. С.)»⁹. Подобную семантику термина можно видеть в II.2.12; II.21.21; II.24.21; II.29.36; II.30.13; II.32.11; X.2.16. Гораздо большее распространение в источнике имеет тот же термин со значениями «размер», «величина» (I.16.9; I.19.6; II.2.14; II.7.2; II.7.31—33; II.11.116; II.14.10, 43; II.15.50; II.16.24; II.18.4; II.21.7, 10, 27; II.23.4,7; II.24.5, 19; II.28.19; II.31.1; II.35.3,11—12; III.1.15; III.2.41; III.10.4; IV.8.24; V.2.2—3).

Концепция *агамы* была нами исследована более основательно в другой работе¹⁰. В дхармашастрах агама — титул собственности, право собственности, которое объясняется и раскрывается как совокупность прама-нов; во многих случаях агама передается как праман и наоборот. Она может выступать и как доказательство, юридический аргумент. В построенной симметрично по отношению к КА III.1.17 шлоке «Нарады» Вв. II.8 агама выражает доказательную силу в суде законной сделки: «(Относящийся) к разным объектам (и) субъектам и лишенный смысла, лишенный (указания) величины (суммы иска и) агамы, (если) в документе (написано меньше (или) больше, чем необходимо), испорченный (документ) — объявлены недостатки (заявления в суд)»¹¹.

В «Артхашастре» агама — законное приобретение, сделка. В этом значении термин употребляется в III.12.51, согласно которому судья в сомнительном случае должен исследовать агаму на используемое имущество и признаки самой сделки, а также обоснованность иска истца¹² (ср. IV.6.7—9). Сравнение выражений *вьявахаропалингана* и *лабхопалингана* (IV.6.13) косвенным образом свидетельствует в пользу того, что *вьявахара* может пониматься как приобретение — сделка, что подтверждается и другими текстами. Эта сделка! может вести как к приобретению имущества в собственность, так и к приобретению его во владение, которые в правовой системе «Артхашастры» дифференцированы (см. IV.6.7—8).

Деша — юридическое доказательство, чаще всего — документ, реже — свидетели — входит в число важных правовых понятий «Артхашастры». Ранее этот термин толковали как «место» согласно авторитетному переводу И. Я. Мейера (подобное толкование можно встретить, например, у Б. Брелера¹³), однако более поздние исследования, и особенно работа Р. П. Кангле¹⁴, позволили установить правильное значение этого термина-понятия. Употребление его дважды в тексте III.1.15, конечно, не может быть простым повтором и наводит на мысль, что выражение *шуддхадеша* подразумевает здесь нечто совершенно иное, нежели деша в устойчивом сочетании деша — кала (пространственно-временная характеристика)¹⁵.

⁶ sampratipattavūttamah/asampratipattau tu saksīṇaḥ pramāṇam...

⁷ nikṣepaparāhāre pūrvāpadānaṃ nikṣepāraśca pramāṇam.

⁸ ...rājānaṃ māṃ sa pramāṇaṃ kṛtvā yasya yadakuśalaṃ paśyasi tattadānimeva pratyadiśa.

⁹ pareṇa proktāḥ svāsāṃ prakṛtīnāṃ pramāṇaṃ nācākṣita.

¹⁰ Самозванцев. Теория собственности в древней Индии, гл. I.

¹¹ anyarthamarthahīnam sa pramāṇagamavarjitaṃ/lekhyam hīnādhikam bharaṣ-ṭam bhāśadoṣāstūdahṛtāḥ//.

¹² dravyabhogānamagamam cāsyānyuñjita, tasya cārthasya vyavahāropalinganam, abhiyoktuścārthasamarthyam.

¹³ Breloer. Op. cit., S. 154.

¹⁴ Kangle. Op. cit., pt. II, A Translation, III, 1, 15.

¹⁵ Надо иметь в виду, что в «Артхашастре» вообще распространены термины типа деша, производные от глагола diś — «указывать», «показывать» и т. д. (деша — «ука

Как и другие термины-понятия, перечисленные в III.1.15, деша является компонентом сделки. Так, он встречается в III.16.29, где говорится, что давность пользования ведет к утрате права собственности на используемое имущество и рассматривается в качестве такового¹⁶. Как видно по параллельным местам (VII.18.15, IX.1.44), причастие *ucchinna* в тексте должно пониматься не в том смысле, что право собственности на объект пользования отсутствует, — оно именно уничтожается, упраздняется.

Для интерпретации понятия деша важен текст IV.6.9. Здесь говорится, что законность агамы-сделки может быть доказана в суде посредством *шучирдеша* — «честного свидетельства» (в III.1.15 — *шуддхадеша* — «чистого свидетельства») или посредством *диргханпарибхога* — «продолжительного пользования»¹⁷.

То, что деша в памятнике — прежде всего письменное свидетельство доказывається значением, которое получает термин в описании процессуальной процедуры в III.1.19: составитель раскрывает понятие карана как документа и свидетеля. Такое же деление зафиксировано в близком по контексту IV.9.14—15, где говорится, что если судья не спрашивает в суде того, кого должно опросить, или опрашивает того, кого опрашивать не следует, он платит средний штраф *сахаса*; если же он не спрашивает документа, который должен быть представлен в суд, спрашивает документ, который в суд не должен быть представлен, или затягивает дело посредством того, что не является в данном случае письменным юридическим доказательством, он платит высший штраф *сахаса*¹⁸. Не случайно, что составитель использует в тексте разные выражения: *прчхьям* — *апрчхьям* по отношению к свидетелю и *дейям* — *адейям* по отношению к документу. Также очевидно, что в соответствии с индийской традицией в иерархии доказательств документ ставится выше свидетеля, коль скоро при правонарушении, связанном со свидетельскими показаниями, судья наказывається меньшим штрафом, чем в случае такового, если оно связано с документом.

Как нам кажется, есть еще одно обстоятельство, указывающее на предпочтительность толкования термина деша в юридическом контексте III книги КА как именно «документ». Мы имеем в виду полное отсутствие в нем терминов, производных от глагола *likh* (первоначально «царапать», позднее — «писать») и обозначающих документы — *лекхья*, *ликхита* и пр., хотя сам глагол встречается несколько раз (например, III.1.17, IV.9.17), упоминается также и писец (IV.9.17). В других книгах «Артхашастры» составитель использует термины, производные от того же глагола (*гудхалекхья* — «тайнопись» в I.12.13, *лекхья* — «надпись» в I.16.25); *лекха* — документ — неоднократно встречается в главе «шасанадхикарана» (II.10), посвященной составлению царских указов (II.10.4—6, 22, 24, 38, 40, 43, 45, 47), но именно как общее обозначение документа, разновидностью которого является *шасана* — царский эдикт (II.10.5, 38—39, 41—44, 63). Термин *шасана*, обозначающий указ (в том числе письменный) правителя, нигде в «Артхашастре» не имеет отношения к частноправовому документу (I.16.6, 11, 32, II.6.15, II.9.19, 27, II.28.18, III.1.39, IV.9.12, IV.10.14, V.2.68, IX.6.29, 41, 47, XIII.3.14, XIII.4.41 и др.). При исследовании того обстоятельства, что деша в III книге памятника обозначает именно документ, являющийся доказательством в суде, следует также

зание» в IX.5.1, *адеша* — «распоряжение» в I.18.3, III.1.16, III.12.18, V.3.25 с теми же значениями: *самдеша* в II.10.4, II.9.5, XII.3.3, *нирдеша* в II.10.42, *уддеша* в I.15.3, II.2.10, II.4.18, *упадеша* в I.17.32, I.7.1, II.13.29, IX.4.12, XIII.2.36).

¹⁶ *bhoganuvṛttirucchinnaśāsanā yathāśvaṃ dravyānam.*

¹⁷ *nāṣṭikaścettadeva pratisamadhyāt, yasya pūrvo dīrghaśca paribhogaḥ śucirvā deśastasya dravyamiti vidyāt.*

¹⁸ *prcchyaṃ va prcchati, aprcchyaṃ prcchati ... madhyamamasmai sāhasadandam kuryāt/deyaṃ deśaṃ va prcchati, adeyaṃ deśaṃ prcchati, kāryamadeśenativahayati ... uttamamasmai sāhasadandam kuryāt.*

напомнить, что оппозиция деша — бхога — в III.16.29 и IV.6.9 (в последнем тексте она тоже явно прослеживается) обычно рассматривается составителями дхармашастр как оппозиция агама (документ) — бхога (пользования).

В процессуальном праве деша делились на собственно деша, т. е. документы, имеющие непосредственное отношение к данному судебному делу и оформленные в соответствии с установленными требованиями, *адеша* — документы, не считающиеся доказательными, и *хинадеша* — «слабые» документы. Аналогичное деление на деша — адеша мы уже видели выше в тексте IV.9.15. Адеша — документ, не имеющий отношения к данному делу; уже поэтому он не рассматривается как юридический аргумент, хотя при других обстоятельствах, возможно, он и станет таковым. Хинадеша — документ, хотя и имеющий отношение к данному делу, однако оформленный без соблюдения должных правил, т. е., например, без подписей свидетелей (если они необходимы), указания места и времени его составления, объекта сделки и так далее (ср. «Нарада» Вв. II.8). Такой документ не будет считаться валидным ни при каких условиях (см. текст «Артхашастры» III.1.19).

В тексте III.1.15, а также в IV.6.9 деша объединяет устные и письменные свидетельства, однако это следует объяснять контекстом, который не позволяет их в данном случае дифференцировать. В системе права «Артхашастры» они различаются как *сакшья* и *деша* — устное и письменное свидетельство, доказательство.

Законность агамы-сделки в суде, как мы видели выше на примере текста IV.6.9, тоже доказывалась посредством деша. Но так как в число сделок, характеризующих агаму, в IV.6.8 включены залог, купля-продажа и получение дара, деша может быть либо *свакараной* — доказательством права собственности (т. е. дарственная при дарении и купчая при купле-продаже), либо закладной (при доказательстве права владения объектом тяжбы). Законность агамы в суде доказывается и долговременным пользованием, т. е. приобретение в последнем случае совершается не в результате сделки с контрагентом.

Представленное в суд свидетельство, естественно, должно быть «чистым» — *шуддха*, т. е. документ должен быть составлен с соблюдением известных требований, а свидетель должен отвечать предъявляемым к нему как к свидетелю требованиям.

Понятие *свакарана* в «Артхашастре» имеет дуальную семантику. В тексте оно выступает то в более узком смысле (*свакарана* — семантически «доказательство *сва/свамьи*» — права собственности), то в более широком — как законное основание совершения правового действия (как в III.1.15). Свакарана доказывает только право собственности, а не владения имуществом. Так, в IV. 1.54—55 говорится, что обнаруживший клад становится его собственником после подтверждения своих прав свакараной; в отсутствие свакараны он наказывается штрафом в 500 пан, а при сокрытии клада — вдвое большим¹⁹. Свакарана упоминается также в II.36.7, IV.2.1.

Носителями свакараны могли быть как документы, так и свидетели, ибо приобретение в собственности движимостей узаконивалось свидетелями, а приобретение недвижимостей — оформлением документа. Свакарана, в частности, это правильно оформленный документ, позволяющий собственнику заключать сделки относительно того имущества, права на которое данный документ фиксирует. Деша — это свакарана в ее доказательной функции при предъявлении в суде, когда от нее требуется доказать права на спорное имущество. Следовательно, свакарана и деша —

¹⁹ *paurvapauruṣikaṃ nidhiṃ jānapadaḥ śucih svakaraṇena samagraṃ labheta/svakaraṇabhāve pañcaśato daṇḍaḥ, pracchannādāne sahasraṃ.*

это функциональное отражение одного доказательства, например, документа, в двух объектно-правовых ситуациях ²⁰.

Свакарана по своей семантике аналогична агаме дхармашастр. Текст «Артхашастры» III.16.17—19 указывает, что собственник потерянного имущества при его обнаружении может вернуть его посредством свакараны; если свакараны у него нет, он платит штраф, равный пятой части стоимости имущества, которое становится собственностью царя ²¹. Заимствованный «Яджнавалкьей» II.175, этот текст выглядит следующим образом: āgamenorabhogena naṣṭam bhāvuyamato' nyathā/rañcabandho damastasya rājñe tenāvibhāvite//. Из него видно, что составитель смрити заменяет термин свакарана термином агама. Этот же текст близок тексту «Артхашастры» IV.6.9, где тоже подразумевается возвращение пропавшего имущества. Очевидно, что термин деша адекватен термину агама. Но агама дхармашастр не равноценна таковой в «Артхашастре», так как доказывает право собственности, а не законность приобретения. Как в дхармашастрах носителем агамы является праманам тривидхам, так и в «Артхашастре» носителем свакараны является разновидность караны — в частности деша.

Хотя агама дхармашастр замещается в «Артхашастре» термином деша, а не термином свакарана, в этом нет ничего удивительного, ибо в дхармашастрах носитель агамы — прамана — часто обозначает само понятие агамы, как в «Артхашастре» деша обозначает свакарану. Подтверждение этого можно видеть в комментариях Вишварупы к «Яджнавалкье» II.175, в котором сказано, что право собственности на утерянную или утраченную вещь, попавшую в руки другого человека, может быть доказано посредством агамы, т. е. документа и т. д., или посредством публичного, непрерывного и длительного пользования ²².

Видимо, близость выражений *шуддхадеша* КА и *шуддхагама* дхармашастр не случайна. Та же агама упоминается в дхармашастрах «Ману» VIII.200 и «Яджнавалкье» II.27: в первой сказано, что при наличии пользования и в отсутствие агамы юридическим основанием считается агама, а не пользование ²³. Согласно второй шастре, агама ставится выше пользования, за исключением происходящего от предков, но даже у агамы нет силы, если нет хотя бы незначительного пользования ²⁴.

Возможно, отсутствие в «Артхашастре» выражения *шуддхасвакарана* и, напротив, употребление термина *шуддхадеша* следует объяснять тем, что право собственности либо наличествует, либо отсутствует, а его законность связана с доказательной функцией в суде деша: законные и «ложные» («чистые» и «нечистые») документы доказывают свакарану — право собственности, которая либо наличествует, либо отсутствует.

Древнеиндийскому праву было известно понятие дееспособности, однако употребление в «Артхашастре» двух терминов: *сампурначара* (букв. «полная дееспособность») и *свакарана* (основание совершения правового действия) требует дать более детальное их разъяснение. Под «полной» или «неполной» дееспособностью индийское право понимало те обстоятельства, которые делали в принципе дееспособное лицо в данный момент фактически дееспособным или недееспособным. В качестве примера лиц, недееспособных с точки зрения *сампурначара*, составитель приводит в III.1.13 находящихся в состоянии аффекта (гнев, горе), опьянения, потери рассудка, действующих под принуждением.

²⁰ См. нашу статью: Теория собственности в древней Индии, с. 20.

²¹ naṣṭikaśca svakarāṇaṃ kṛtvā naṣṭapratyāhṛtaṃ labheta/svakarāṇābhāve rañcabandho daṇḍah/tacca dravyam rājadharmyaṃ syāt.

²² āgamenalekhyādina prakāsamaskhalitacirabhogena vā naṣṭam dravyamanyahas-tagatam madīyamityevaṃ bhāvuyam.

²³ sambhogā drīsyate yatra na drīsyetāgamah kvacit /āgamah kāraṇam tatra na sambhoga iti sthitiḥ//.

²⁴ āgamo'bhyadhiko bhogādvinā pūrvakramāgatāt/āgame'pi balaṃ naiva bhuktih stokāpi yatra no//.

От понятия сампурначара следует отличать дееспособность, не обусловленную данным моментом, т. е. принципиальную возможность для данного лица совершить определенное юридически значимое правовое действие — свакарану. Это последнее понятие включает в себя и санкцию на совершение такого действия, если она необходима (анализ построения текста III.1.15, компоненты которого последовательно раскрываются в предыдущем изложении, показывает, что составитель понимает под свакараной, в частности, санкцию со стороны отца-домохозяина на совершение сыном какого-то юридически значимого действия — сделки с семейным имуществом).

Что касается свакараны в III.1.15, то здесь имеется в виду правовая основа действия (не обязательно сделки — ср. III.11.28), которая наличествует или отсутствует, в зависимости от характера самого действия и совершающего его лица. Здесь составитель приводит ряд лиц, дееспособность которых ограничена в том отношении, что они, будучи лишены свакараны, не могут совершать юридически значимые действия по собственной инициативе. В их числе сын, зависящий от отца, раб, «заложенный» и т. д. Их действия получают правовую основу, если санкционируются тем, кто в данном случае является носителем свакараны.

Из контекста главы III.11 явствует, что вавьяхара в главе III.1 — не только сделки, но юридически значимые действия в более широком смысле, в частности право участвовать в судебном процессе.

Кроме того, материал главы III.1, а также другие тексты КА показывают, что в III.1.12 не имеются в виду полностью недееспособные лица. Так, согласно III.11.32, взрослые дети могут свидетельствовать в суде по делам своих родителей, а слуги — по делам своих хозяев. Некоторые перечисленные в III.1.12 лица, не будучи безусловными свидетелями, при известных обстоятельствах могли давать показания в суде, причем без видимой санкции на это со стороны другого юридического лица (III.11.28). В III.1.12 «заложенный» квалифицируется как недееспособный, на правовое действие которого требуется санкция хозяина. Но из текста главы III.13 следует, что он был дееспособен во всем, что не касалось имущества и деятельности хозяина: мог наследовать, приобретать имущество, вступать в брак (III.13.16 и выше). В качестве ограниченно дееспособных можно рассматривать родителей, которые, будучи заключены в долговую тюрьму, т. е. привлечены к ответственности по суду, дееспособны в распоряжении имуществом и детьми: они могут отчуждать их для получения ссуды под залог, как это видно из текста III.13.5. Наконец, старик, калека и пр., видимо, могли приобретать то или иное имущество (в частности, согласно III.11.13, старик должен был отвечать по долговым обязательствам, следовательно, совершать юридически значимое действие). Попавший в беду, тот, с кем случилось несчастье, мог иногда свидетельствовать в суде (III.11.30—31).

Поэтому можно думать, что перечисленные в III.1.12 лица не являются недееспособными во всех случаях юридической практики. Их дееспособность зависела от обстоятельств дела. Полностью недееспособным был, вероятно, несовершеннолетний (апраптавьявахара). Что же касается санкции на юридически значимое правовое действие, то она требовалась тогда, когда зависимые лица совершали его с имуществом лиц, от которых зависели (например, разрешение на отчуждение семейного имущества давал домохозяин).

Ни общей дефиниции юридически значимого правового действия, ни более узких определений свакараны или сампурначары мы не встречаем в дхармашастрах. Это связано с тем, что в последних право функционирует не в рамках научного правового трактата, а в тексте совершенно иного характера.

В отличие от тех категорий, которые мы рассмотрели выше, последнее важное понятие текста III.1.15 — варга — это категория прежде всего

логическая и таковой она остается в юридическом контексте. Варга — это группа (разряд, категория) однородных элементов, объединение которых в данную группу проводится с точки зрения определенного логического уровня или параметра. Эти уровни могут быть самыми разнообразными, соответственно весьма многообразны и многочисленны варги в «Артхашастре» (см., например, II.15.17—21,63).

В правовом контексте варга обычно обозначает категорию, объединяющую по одному определенному признаку (параметру) тех или иных юридических лиц, причем само объединение в варгу или разделение на варги объясняется требованиями ситуации. Так, в III.11.29 перечисляются лица, которые могут свидетельствовать в суде только по делу человека, принадлежащего к их собственной варге: ученый брахман — по делу ученого брахмана, деревенский работник — по делу работника, чандала — по делу чандалы и т. д. Наоборот, ученый брахман не может быть свидетелем по делу чандалы и т. д. Деление на варги проводится здесь по социальному признаку, включая сакрально неполноценных (калек и др.). В сутре III.13.30, напротив, несколько лиц, принадлежащих, возможно, к разным социальным уровням, объединяются в одну варгу — наемных работников особого типа, которая строится по принципу оплаты их труда. Особенность в данном случае состоит в том, что для них не существует жестких норм, регламентирующих срок контракта, размер вознаграждения и так далее: все обусловлено местом и временем выполнения контракта, спецификой самого труда и традицией.

Согласно III.1.15, юридически значимое правовое действие, прежде всего сделка, законно в том случае, если место и время его совершения соответствуют данным контрагентам (букв. «варге»). Здесь варга строится не по социальному признаку и не является социальной категорией. Она не имеет в виду варну или касту контрагентов. Составитель подразумевает случаи, которые описываются в сутрах 2—9, где говорится, что разные лица в зависимости от характера своей деятельности и своего физического состояния могут совершать правовое действие в разное время суток (т. е. как днем, так и ночью), или же что такое-то действие в силу его специфики может совершаться, например, ночью.

Появление подобных варг объясняется тем, что обычное и важнейшее условие законной сделки — гласность — не всегда могло соблюдаться ввиду специфики деятельности контрагентов и характера юридически значимого действия. Деление на варги должно было привести в соответствие с действующими правовыми нормами многообразие юридических ситуаций. Варги регулируют также действия недоговорного характера, т. е. не связанные с отношениями контрагентов. Так, например, иски по поводу грабежа и пр. принимались ночью. Ночью же считались законными все действия, совершаемые частными лицами по поручению царя и т. д.

В дхармашастрах хотя и указываются условия, при которых сделка не считается законной, условия эти стереотипны и весьма ограничены; общего определения деления на варги в них не дается.

Как мы могли убедиться выше, правовые системы артхашастры и дхармашастры имеют существенные особенности, а центральные их понятия выражены разной терминологией: агама в дхармашастрах — свакарана в «Артхашастре», праманам тривидхам — карана, лекхья — деша (правовая терминология «Артхашастры» имеет и ряд других особенностей, не ограничивающихся этими немногими терминами²⁵).

Эти термины мы можем назвать матричными, поскольку они в рамках данной литературной традиции закрепляют правовой текст в виде определенных блоков информации и в правовых системах артхашастры и

²⁵ Самозванцев А. М. Некоторые проблемы изучения древнеиндийского права. Тезисы доклада, подготовленного к Всемирному конгрессу санскритологов в Бенаресе. М., 1981.

дхармашастры являются доминантными и весьма устойчивыми. Их складыванию должно было предшествовать длительное развитие правовой традиции обоих жанров. И если не приходится сомневаться в том, что юридическая терминология и система права «Артхашастры» разрабатывались в школах артхашастры и были представлены в недошедших до нас сочинениях артхашастры, то юридическая терминология дхармашастры имеет истоки в неюридической терминологии тех сочинений, которые составлялись в школах сутракаринов (авторов дхармасутр) и, по-видимому, имеют еще более древнюю традицию.

Именно в дхармасутрах мы впервые сталкиваемся с формулой трехчленного авторитета — праманам тривидхам, которая фигурирует в «Васиштха-дхармасутре» XVI.10: посредством трехчленного авторитета вслед за приобретением имущества в собственность, т. е. сделкой (сви/свакараной, которая семантически соответствует агаме), собственник получает имущество в свое распоряжение²⁶ (ср. «Нарада» I.65). Текст «Нарады» I.69 версии Асахаи аналогичен таковому в дхармасутре²⁷.

Обозначение частнопроводного документа — *ликхита*, *лекхья* — при том, что в сутрах документы упоминаются крайне редко, идет именно из дхармасутр (см., например «Васиштху» XVI.10. 14—15).

Остановимся на истоках правовой традиции дхармашастры. В этой связи нужно сразу заметить, что упомянутая выше формула, построенная по принципу такой-то объект — прамана, весьма распространена в дхармасутрах, а также в дхармашастрах, и вопрос заключается только в изменении семантики последнего термина, которая все более приобретает юридический оттенок (юридический авторитет, аргумент, доказательство). Подобные формулы встречаются и в «Артхашастре», и мы их приводили выше (III.11.26; III.19.21; III.12.35). Так, например, согласно тексту III.1.45, если шастра в области дхармы, т. е. дхармашастра, придет в противоречие с каким-нибудь установлением царской власти, эта шастра теряет силу, поскольку подобное установление считается прамана²⁸. Абстрактное значение «авторитетность» получает тот же термин в III.2.10, где говорится, что при дхармических браках требуется санкция отца, а при остальных — санкция отца и матери невесты²⁹.

В правовом контексте дхармашастр термин прамана часто употребляется в той же самой конструкции с той лишь разницей, что здесь проводится аналогия с праманом тривидхам, т. е. юридическим доказательством в суде, что видно по тексту «Яджнавалкьи» II.89: документ, составленный собственноручно, считается валидным даже в отсутствие свидетелей, если только он составлен без насилия или хитрости³⁰ (ср. II.22). В ином контексте семантика термина другая (как в «Ману» II.13 и IX.84), обычная для дхармасутр. В дхармашастрах, включая дхармасутры и «Ману», термин прамана имеет в неправовом контексте неюридическую, скажем сразу — ритуальную семантику; в правовом контексте в крайне немногочисленных случаях («Васиштха» XVI.10, в «Ману» они вообще не зарегистрированы, о чем речь пойдет ниже) — это юридический авторитет. Соответственно, прежде чем в силу определенных причин приобрести юридическую семантику, этот термин должен был функционировать как термин ритуальный.

В равной степени этот вывод имеет отношение к термину агама дхармашастр. В «Нараде» I.134 этот термин-понятие завершает всю эволюцию концепции собственности дхармашастры в широком ее понимании:

²⁶ *likhitam sakṣiṇo bhuktiḥ pramāṇam trividham smṛtam/dhanasvīkaraṇam pūrvam dhanī dhanamavapnuyā diti.*

²⁷ *likhitam sakṣiṇo bhuktiḥ pramāṇam trividham smṛtam/dhanasvīkaraṇe yena dhanī dhanamavapnuyāt//.*

²⁸ *sastram vipratipadyeta dharme nyāyena kenacit/nyāyastatra pramāṇam syāt.*

²⁹ *pitṛpramāṇāscatvārah pūrve dharmyaḥ, mātāpitṛpramāṇāḥ śeṣāḥ.*

³⁰ *vināpi sakṣibhirlekhyam svahastalikhitam tu yat/tatpramāṇam smṛtam balopadhikṛtādṛte//.*

здесь агама — документ, который должник и кредитор оформляют при заключении сделки. У истоков этой традиции, в дхармасутрах, термин агама при всей его многозначности имеет сакральную окраску (что касается «Ману», то и здесь в зависимости от контекста агама имеет дуальную семантику — ср. VIII.200 и XII.105).

Обратимся к текстам дхармасутр. Так, в «Анастамбе» I.1.2—3 указывается: «Согласие (поведение — *самая*), знающих дхарму — прамана, а также веды»³¹. Д. Деррет понимает *самая* в том смысле, что здесь говорится о сообществе сведущих в дхарме, т. е. париаде ученых брахманов³². Однако такое чтение удовлетворяет не вполне. Семантика термина прамана выясняется из параллельного места «Васишхти». I.3—4: «Сообщенное шрути (и) смрити — дхарма, (а если) их нет, то прамана — поведение знающих»³³. Таким образом, в последнем случае речь идет об устной традиции, непосредственно связанной с поведением ученых брахманов, что опять-таки следует трактовать как их религиозное благочестие, «правильное» следование распространенному в их среде «обычаю». «Согласие» в этом же смысле имеет в виду и Харадатта в своем комментарии к «Анастамбе» I.1.2, приводя в качестве сведущих в дхарме легендарного Ману и прочих мудрецов, суждения которых по вопросам дхармы и адхармы имеют авторитет³⁴.

Прамана является квалификацией, определением «согласия», «поведения» людей добродетельных, следующих «правильному» образу жизни, как в «Баудхаяне» I.1.2.10, где речь идет о местности, «принятый в которой обычай — прамана»³⁵, так и несколько раньше (I.1.2.6): «В каждом месте авторитетность будет (зависеть) от места»³⁶, причем как можно судить по контексту, под «местом» следует подразумевать те ситуации, действия, поступки как сакрального, так и несакрального характера, которые индеец совершает в повседневной жизни: в каждом конкретном случае они могут быть «правильными» (прамана) или «неправильными» (апрамана). О той же «авторитетности» говорит составитель «Баудхаяны» IV.6.6.9: «А в правиле указана авторитетность чтения мантр, благодаря которой Бхарадваджа и другие стали подобны Брахману»³⁷ — это «авторитетность», являющаяся следствием должного соблюдения правил повседневного поведения, благодаря которому достигается религиозная заслуга.

Можно привести и текст «Гаутамы» XI.20: «Дхармы (обычаи) местностей, каст (и) семей, не противоречащие священным текстам, — суть прамана»³⁸. Термин получает здесь тот же оттенок, что и в приведенных выше текстах.

Аналогичным образом обстоит дело с термином агама, который в дхармасутрах так же тесно связан с термином прамана, как и в дхармашастрах, что наводит на определенные размышления. По-видимому, в случае с терминами-понятиями агама — прамана мы имеем дело не просто с терминами, дополняющими друг друга своей семантикой и употребляемыми в одном и том же контексте: скорее, надо говорить о логической конструкции, устойчивой уже в дхармасутрах. Одним из ее составляющих является объект (агама), который нуждается в определителе, т. е. ему необходимо придать определенную качественную характеристику (прамана — अपрамана), и этим определителем является прамана. Подобная характеристика в данном контексте становится не просто квалита-

³¹ dharmajñāsamāyāḥ pramāṇam//vedāśca.

³² Derrett J. D. M. Religion, Law and the State in India. L., 1968, p. 29, not. 1.

³³ śrūtiṣṭiṣṭivihito dharmah//tadālābhe śiṣṭācārāḥ pramāṇam.

³⁴ dharmajña ye manvādayasteṣaṃ samayāḥ pramāṇaṃ dharmādharmayoḥ.

³⁵ ... tasmin ya ācārassa pramāṇam.

³⁶ tatra tatra dēsapramāṇameva syāt.

³⁷ mantramārgapramāṇaṃ tu vidhāne samudīritam/bharadvājādayo yena brahmaṇas-samatāṃ gataḥ.

³⁸ deśajātikuladharmāśca' 'mnayairaviruddhāḥ pramāṇam.

тивной, но и ценностной, поскольку она имеет непосредственное отношение к восприятию в рамках известной этической модели.

Из дхармасутры «Баудхаяны» I.1.1.4 явствует: «Третье — (закрепленное в традиции) поведение ученых»³⁹. Речь идет о трех разновидностях дхармы, которая достигается соответственно посредством шрути, смрити и учеными брахманами. Сопоставление с «Васиштхой» I.3—4 показывает, что агама имеет здесь ту же семантику, что и ачара, и в то же время наблюдается определенная семантическая близость между терминами агама — прамана. Конструкция фразы подсказывает, что ранее составитель употребляет термин агама в том же значении, как шрути — смрити-агама (ср. «Ману» XII.105). Любопытно, что в «Баудхаяне» в одном месте (I.11.21.3) аналогом термина агама с той же семантикой выступает термин свикарана: ведасвикарана, т. е. «присвоение», «привлечение», «постижение» веды. Говиндасвамин в комментарии пишет: «Существует возможность постижения веды для сыновей этих видов (т. е. рожденных в дхармических браках)»⁴⁰. «Постижение» веды здесь следует понимать в более широком смысле, чем только обучение ей — веда близка им как ядро, основа, источник духовного становления благочестивого индийца, священное знание, из которого выводятся все его духовные ценности; их социальный статус не ставит в то же время преград между ними и ведой⁴¹.

Агама как обычай выступает в «Апастамбе» I.17.13: «Согласно обычаю во время жертвоприношения»⁴², а Харадатта в комментарии замечает: «А что касается жертвенного сосуда, (он) становится чистым, будучи очищен в соответствии с традицией»⁴³. В другом месте (II.5.17) сутракарин пишет: «Кто соблюдает правила в передаче знаний ученикам, как было передано (ему), тот, действуя так, обеспечивает безопасность для предков, потомков и себя самого»⁴⁴. Харадатта в комментарии толкует: «Каким образом (имеет место) постижение (священного текста) и вещи...»⁴⁵, но кажется очевидным, что вновь имеется в виду «постижение», связанное и выраженное в «правильном», должном поведении, соблюдении тех правил, которыми достигается религиозная заслуга. В других местах, в «Васиштхе», например, III.36 (ср. XIX.10) упоминается агама со значением «нечистая природа (происхождение)».

Следовательно, функционировав в ритуальных текстах, эти термины действительно имели ритуальную семантику. Вместе с тем материал раздела, посвященного праву (вьявахаре) «Васиштхи» и особенно ее текст XVI.10, где термины агама и прамана приобретают правовую семантику, следует, вероятно, объяснять тем, что дхармасутры взаимодействовали с ранними артхашастрами, из которых инкорпорировали практически всю юридическую тематику в рамках *раджадхармы* (обязанностей царя). Примечательно, однако, что термины остались теми же, т. е. материал артхашастры организован в дхармашастрах не только в соответствии с особенностями их структуры, но и сами — первоначально

³⁹ tṛtīyah śiṣṭāgamah.

⁴⁰ vedasvīkaraṇaśaktirapyevamvidhānāmeva putrāṇām bhavati.

⁴¹ Первичная семантика термина сви(сва)карана артхашастры близка первичной семантике термина агама дхармашастры, на что мы уже обращали внимание. В дхармашастрах, о чем речь пойдет ниже, свакарана артхашастры не встречается, а термин свикарана редко встречается в том же значении, что и в «Баудхаяне» I.11.21.3 или «Васиштхе» XVI.10, т. е. для передачи определенного действия присвоения (например имущества), как, скажем, в «Яджнавалкье» II.60, где говорится о свикаране (присвоении) залога, которую Виджняпешвара истолковывает как его упабхогу, т. е. использование. Однако выражение ведасвикарана в поздних смрити довольно распространено.

⁴² yathāgamam yajñe.

⁴³ yajñapatre tu yathāgamam śodhitam prayatam bhavati.

⁴⁴ yathāgamam śiṣyebhyo vidyāsampradāne niyameṣu ca yuktaḥ syādevam vartamānah pūrvarāṇ sambandhānātmanam ca kṣeme yunakti.

⁴⁵ yena prakāreṇa 'gamah pāthārthayoḥ ...

чально ритуальные — термины дхармашастры, приобретя юридическую семантику, стали своего рода матрицами, скрепляющими материал артхашастры в дхармашастрах. В ходе этого процесса агама и прамана становятся такими, какими мы застаем их в поздних шастрах, пройдя, разумеется, несколько промежуточных стадий (так, агама, будучи первоначально сделкой, стала впоследствии титулом собственности и документом, доказывающим право собственности, а прамана превратился в праманам тривидхам). И процесс этот, надо думать, имел место еще до того, как была составлена первая «великая» дхармашастра «Ману». Мы называем его интеграцией артхашастры и дхармашастры «А». Нетрудно заметить, что правовой материал раджадхармы в сутрах во многих случаях близок материалу «Артхашастры», а иногда обнаруживает столь близкие параллели, что их нельзя объяснить иначе, чем текстологическим заимствованием из источников, лежащих в основе переработанных III—IV книг «Артхашастры». В данном случае мы останавливаемся только на текстологических параллелях, не затрагивая принципы моделирования раджадхармы и построение саптанга (семи государственных факторов) в сутрах и «Артхашастре», о чем мы коротко говорим в другом месте ⁴⁶.

Согласно «Артхашастре» III.8.1, в спорах по поводу недвижимостей следует довериться свидетелям (см. пратъя в III.9.24; III.11.43; III.13.31; ср. III.12.14, «Васиштху» XVI. 14—15) ⁴⁷. В «Васиштхе» XVI.13 фигурирует такой же текст ⁴⁸, причем термин виродха заменяет термин вивада, а выражение грха — кшетра (дом — поле) заменяет термин васту (причем и составитель КА объясняет в III.8.2 васту как прежде всего дом и поле).

В другом месте (III.11.25—26) составитель КА замечает, что в том случае, когда обвиняемый сознался в преступлении, это лучше всего, если же не сознался, авторитетны показания свидетелей, заслуживающих доверия или признанных наиболее честными, числом не менее трех ⁴⁹. Близкий текст содержится в «Гаутама» XIII.1 ⁵⁰. В соответствии с КА III.16.25—26: «Но похищенное вражеским войском (или) племенами царь, после того как вернул, пусть отдаст как собственность; в случае если похищенное ворами не обнаружено, пусть отдаст из своего имущества» ⁵¹. В «Гаутама» X.46—47 текст имеет тот же смысл ⁵².

Факт определенного взаимодействия между ранними артхашастрами и дхармасутрами кажется несомненным: даже если для последней из приведенных параллелей принять во внимание позднее происхождение «Гаутама-дхармасутры», это ничего не меняет.

С другой стороны, приведенные случаи употребления составителем «Артхашастры» термина прамана свидетельствуют об определенном влиянии традиции дхармашастры на артхашастры. Так, сопоставление III.11.25 и III.19.21 с III.12.37—38 показывает, что при всей его неопределенной правовой семантике в тексте термин прамана выполняет здесь функцию термина карана.

Системы права в «Артхашастре» (артхашастры) и в дхармашастрах обнаруживают поразительную устойчивость. Длительный процесс эволюции жанра артхашастры привел к тому что знаковая система инфор-

⁴⁶ Samozvantsev A. M. Arthaśāstra and Dharmaśāstra — Two Traditions and Systems of the Matrix Juridical Terminology.— In: Dr. L. Sternbach Commemoration Volume. Indologica Taurinensia. v. VIII — IX, Torino, 1981.

⁴⁷ sāmāntapratyayā vāstuvivādāh.

⁴⁸ gṛhakṣetravirodhe sāmāntapratyayah.

⁴⁹ sampratipattavūttamah/asampratipattau tu sakṣiṇaḥ pramāṇam pratyayikāḥ śucayo'numatā vā trayo'varārdhyaḥ.

⁵⁰ vipratipattau sakṣiṇī mithyasatyavyavastha bahavaḥ syuraninditāḥ svakarmasu pratyayikā ...

⁵¹ paracakṛatāvihṛtam tu pratyāniya rājā yathasvam prayacchet/corahr̥tamavidyamānam svadravyebhyaḥ prayacchet...

⁵² caurahr̥tamupajitya yathāsthanam gamayet/kośādvā dadyād.

мации, в частности правовой, стала стереотипом, исключаяющим употребление терминов-знаков, аналоги которых в данной системе уже имеются. Эта устойчивость проявляется в том, что артхашастры, включая в свой текст термин прамана, лишили его семантики праманам тривидхам, совпадающей с семантикой термина карана. Это же явление наблюдалось в традиции дхармашастры, когда с интенсивной интеграцией жанров артхашастры и дхармашастры началось складывание собственно правовой ветви дхармашастры (мы называем его этапом «Б»). Этот этап был связан с массивованным включением в дхармашастры собственно вьявахары (появляется артхашастра, входящая в дхармашастру).

Помимо композиционного «варнового» построения дхармашастр насыщение дхармических сочинений материалом артхашастры неизбежно должно было повлечь за собой новую волну интеграции терминов-знаков, что и произошло особенно наглядно с включением в правовую систему дхармашастры термина карана. Первоначально этот интенсивный процесс приводит к тому, что в «Ману» этот термин заменяет общий для традиции дхармашастры термин прамана, который функционирует здесь только в неюридическом контексте с теми же семантическими оттенками, что и в дхармасутрах. Прамана — юридическое доказательство — появляется только в «Яджнавалкье» II.22, 89 и т. д., весьма вероятно, как реакция на включение в дхармашастру материала артхашастры (прежде всего «Артхашастры»). Более того, в «Ману» не засвидетельствовано и обычное для дхармашастр обозначение частноправового документа — ликхита, лекхья. Его заменителем, например, в тексте VIII.154 является тот же термин карана, определенно заимствованный из артхашастр. Согласно тексту: «Кто, (будучи) не в состоянии вернуть долг, желает опять заключить сделку, тот, уплатив получившийся процент, пусть возобновит (долговой) контракт»⁵³. В своем комментарии Бхаручи замечает: «Повторная сделка (в отношении) денежной (суммы) основного капитала, не процента. Как (это)? Поскольку (если) какой получатель (ссуды) не в состоянии вернуть (кредитору) основной капитал и процент (и) желает возобновить контракт, т. е. (привлечь) свидетелей и т. д., он, отдав ранее получившийся процент, пусть возобновит контракт (в отношении) одного только основного капитала. Тогда пусть не присчитывает (его) к проценту»⁵⁴. Иными словами, карана в тексте — это либо свидетели, либо документ, причем последнее толкование кажется предпочтительным. Куллука в своем комментарии пишет: «Какой должник из-за невозможности вернуть деньги желает вновь оформить сделку, т. е. документ и прочее... он, отдав процент, пусть вновь оформит контракт, т. е. документ»⁵⁵ (ср. параллельный текст «Нарады» I.134, где агама — долговой документ).

Обратимся к тексту «Ману» VIII.51: «Отрицающего, (что он брал) деньги, но избалованного (букв. „доказанного“) посредством карана, следует заставить вернуть деньги кредитора и заплатить небольшой штраф в соответствии с возможностями (должника)»⁵⁶. Бхаручи в своем комментарии говорит, что для вынесения приговора по поводу имущества, применительно к которому существует сомнение, необходимо применить юридическое доказательство, которое в свою очередь бывает трех видов⁵⁷,

⁵³ *ṛṇam dātumaśakto yaḥ katrum icchetpunaḥ kriyām/sa dattvā nirjitāṃ vṛddhiṃ karaṇam parivartayet//.*

⁵⁴ *mūla-hiraṇyasya punaḥ kriyā na vṛddheh. katham. yo hi gṛhītā mūlam vṛddhiṃ ca datum aśaktaḥ karaṇam (kāraṇam) śakṣyādi parivartayitum icchet, sa pūrvanirjitāṃ vṛddhiṃ datvā mūla-matrasya karaṇam (kāraṇam) parivartayet. na tatra vṛddhiṃ āropayet.*

⁵⁵ *yo'dhamarṇo dhanadānasamarthyātpunarlekhyādikriyāṃ kartumicchetsa ...vṛddhiṃ dattvā karaṇam lekhyam punaḥ kuryāt.*

⁵⁶ *arthe pavayamānam tu karaṇena vibhāvitam/dāpayedghanikasārtham daṇḍa-leśam ca śaktitah//.*

⁵⁷ *karaṇam ca yat sandigdhe vastuni nirṇaya-sādhanam, tat punas tṛpirakāram.*

что соответствует и пониманию текста Куллукой, а именно, что карана должна толковаться в смысле праманам тривидхам дхармашастры, т. е. трехчленного авторитета: документа, свидетеля, ордалии и т. д.⁵⁸

Следовательно, в отличие от того места дхармашастры «Ману», которое будет разбираться ниже и в котором термин карана включен в дхармашастру в цитате из «Артхашастры», приведенные выше случаи его употребления производят впечатление, что карана интегрирована непосредственно в систему права дхармашастры.

Как известно, компиляция «Ману-смрити» в ее разделах, посвященных раджадхарме, не оригинальна в том отношении, что она заимствует материал из артхашастры, и, в частности, из «Артхашастры». На это обращает внимание, например, Р. П. Кангле⁵⁹. В этой связи кажется целесообразным еще раз вернуться к известному фрагменту «Ману» VIII.53—57, обнаруживающему несомненную близость с «Артхашастрой» III.1.19, остановившись, во-первых, на том, в чем именно между ними обнаруживается близость, и, во-вторых, на их терминологии. Между означенным текстом «Артхашастры» и «Ману» обнаруживаются следующие параллели («Артхашастра» — КА, «Ману» — М). КА: *pūrvoktam paścimenārthēna nābhisamdhatte.* — М. VIII.53 (2): *yāścāharottarānārthānvigītānāvabudhyate*; КА: *pratijñāya deśam nirdiśetyukte na nirdiśāti* — М. VIII.57 (1): *sākṣiṇaḥ santi metyuktvā diśetyukto diśenna yaḥ*; КА: *hīnadēśamadeśam vā nirdiśāti* — М. VIII.53 (1): *ade yaḥ (adeśam) yāśca diśāti nirdiśyāpahnute ca yaḥ*; КА: *sākṣibhravadhṛtṣam necchati* — М. VIII.55 (2): *nirucyamānaṃ praśnaṃ ca necchedyāścā pinispateḥ*; КА: *upasthite deśe'rthavacanāṃ naivamityapavyayate* — М. VIII.54 (2); *samyakprānīhitam cārtham prsthāḥ sannābhīnandati*; КА: *asambhāṣye deśe sākṣibhirmithaḥ sambhāṣate* — М. VIII.55 (1): *asambhāṣye sākṣibhīśca deśe sambhāṣate mithaḥ*; КА: *nirdiśāddeśādanyaṃ deśamupasthāpayati* — М. VIII.54 (1): *apadiśyāpadeśyaṃ ca puṇaryastvapadhāvati*. (Текст «Ману» VIII.54 (1), близко пересказанный «Нарадой» I.60: *apadiśya ca yo deśyaṃ puṇastamanudhāvati* переводится Ю. Йолли в том смысле, что дешья — это «допущение». Эта параллель между «Артхашастрой» и «Ману» VIII.54 кажется нам справедливой, принимая во внимание комментарии Бхаручи: комментатор говорит о лице, которое, подавая иск в суд, отказывается представить одно юридическое доказательство, названное вначале, и представляет другое. Имеются и другие заимствования из «Артхашастры» в «Ману» — см., например, КА III.1.31 и «Ману» VIII.58).

Текст «Ману» VIII.52 в переводе Д. Деррета выглядит следующим образом: «Если должнику сказано в суде — „Дай!“, и он отказывается сделать это, истец должен указать „место“ или представить доказательство»⁶⁰. Однако Д. Деррет исходит из чтения текста: *abhiyoktā diśed deśam karaṇam vā samuddiśet*, по своему изданию «Ману-смрити» с комментарием Бхаручи, в то время как вариант чтения текста смрити, приведенный выше, кажется более предпочтительным: он рассматривает деша как разновидность доказательства — карана, которое понимается Бхаручи и другими комментаторами «Ману» однозначно: документ, свидетели и так далее. Вне всякого сомнения, сам составитель «Ману» считает деша доказательством. Кроме того, хотя Д. Деррет принимает толкование деша как «место» Бхаручи, это толкование довольно своеобразно и не единично (перевод Д. Деррета): «Истец должен указать „место“, где были переданы деньги. С точки зрения толкования отрывка слово „место“ следует здесь

⁵⁸ ... *karanēna lekhyasaksidivyaḍinā*.

⁵⁹ *Kangle. Op. cit.*, p. 15, 80.

⁶⁰ *apahnave'dhamānasya dehītyuktasya samsadi/abhiyoktā diśeddeśyaṃ (deśam) karaṇam vānyaduddiśet//*. См. Bharuci's Commentary on the Manusmṛti (the Manusāstra-vivaraṇa, Books 6—12). V. 2. Translation and Notes. Ed. by J. Duncan M. Derrett. Wiesbaden, 1975, p. 109.

понимать как подразумевающее „свидетеля“... Он говорит: „Или он должен представить доказательство“, а именно — доказательство в виде документа, непосредственно в самом суде. И, таким образом, слово „место“ должно подразумевать „доказательство“, ... и слово „место“ следует считать обозначающим „время“ в порядке вопроса „в каком месте и времени ты выплатил мне деньги?“⁶¹.

Следовательно, комментатор предлагает несколько толкований термина деша, но интерпретация его как просто «место» кажется ему неудовлетворительной: он связывает деша с карана и толкует его со смысловым оттенком «доказательство», подразумевая при этом свидетеля. Подобное истолкование термина больше отвечает варианту чтения «Ману», упомянутому выше, нежели тому, который в своем издании текста шастры с комментарием Бхаручи предложил Д. Деррет. В пользу нашего предположения говорит и интерпретация термина карана комментаторами «Ману» VIII.154. Медхатитхи в своем комментарии «Ману» VIII.52 следует Бхаручи, говоря: заимодавец-кредитор пусть представит в суд деша, т. е. свидетелей, являющихся юридическим авторитетом, или же карана, т. е. документ и прочие доказательства⁶².

Однако следует иметь в виду, что Бхаручи, по-видимому, смущает значение термина в сочетании деша — кала (пространство — время) в «Ману» VIII.45. Кроме того, толкование термина карана комментаторами «Ману» как «документ» и ряд других моментов (например, толкование Бхаручи термина деша как «свидетель») наводят на мысль, что им не была известна система юридической аргументации «Архашастры», знакомая составителю «Ману». Но, с другой стороны, комментаторы в своем толковании, естественно, исходят из системы права самой дхармашастры, в которой карана, как мы смогли убедиться выше, зачастую обозначает документ. Следует также думать, что в действующем праве раннесредневековой Индии были приняты юридические дефиниции, вытекающие из системы юридической аргументации дхармашастры.

Таким образом, об интеграции архашастры в дхармашастру на уровне терминологии в «Ману-смрити» говорит не только термин карана, но и другой, своего рода «меченый атом», — термин деша, который, впрочем, в отличие от первого, не включается в саму систему права дхармашастры ни в этой, ни в более поздних смрити. Затем сбалансированность информационной системы дхармашастры, наподобие той, о которой мы говорили выше на примере архашастры, но при аморфной правовой структуре и ином функционировании права приводит к тому, что в «Яджнавалкье», «Нараде», «Брихаспати» термин прамана употребляется наряду с термином карана, но последний встречается все реже и часто синонимичен с карана, а первый появляется все чаще и именно как важный стереотипный элемент правовой системы дхармашастры, как юридическое доказательство в суде (см., например, «Нараду» I.68—69, 74, 76, 95 и т. д.). В параллельном «Ману» VIII.154 месте «Нарады» I.134 термин карана заменен уже термином агама, что говорит об общей реституции традиции дхармашастры. В той же дхармашастре «Нарада» термин карана, например, как синоним прамана почти не встречается, и можно привести их в одном контексте только в тексте I.83 версии Бхавасвами (версия Асахаи кажется недостоверной): «Ведь в случае смерти ответчика показания свидетелей не юридическое доказательство; в этом случае при решении (суда) юридическим доказательством будет документ со свидетельскими показа-

⁶¹ abhiyoktā prayoktā diśed dānādhikāraṇa-deśam. atra ca deśa-grahaṇam sāmartyāt sakṣyupalakṣaṇārtham ... yasmādāha karaṇam va samuddiśet patra-samjñam vyavahārasthāna eva. ataśca gamyate deśa-grahaṇam karaṇopa/lakṣaṇārtham iti/ ... deśagrahaṇam ca nidarśanārthatvat kālārtham api draṣṭavyam, «kasmin deśe kāle tvaya mama pratidattam dhanam» iti.

⁶² ... dhanasya prayoktāttamarṇo diśeddeśam sakṣiṇām pramānabhūtam nirdiśet/kāraṇam lekhyādi ...

ниями»⁶³. На то, что карана в тексте обозначает именно документ, указывает контекст (см. предыдущую шлоку) и комментарий Бхавасвами (он заменяет карана на патра).

Что же касается термина карана в поздних дхармашастрах, то, сближаясь семантикой с термином карана, он постепенно получает то же значение, что и прамана в юридическом контексте «Архашастры», а карана лишается размытой правовой семантики, приобретая дополнительный оттенок: юридическое основание, аргумент (чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться, например, с разделом «Брихаспати» I.4, где дается описание юридической аргументации и процессуальной процедуры).

В то же время важно заметить, что при общей сбалансированности правовой системы дхармашастры ее система юридической терминологии остается нечеткой: термины карана, карана и прамана, агама могут в дхармашастрах перекрещиваться, замещать один другой, что следует объяснять функционированием самого права дхармашастр: размытость ее правовой структуры объясняется потребностью сделать ее максимально приемлемой при наложении ее оценок на действующую юридическую практику.

Что касается терминов ликхита, лекхья, то, начиная с «Яджнавалкьи» (II.20, 22, 36, 86, 88—93 и др.), они часто встречаются в дхармашастрах то как сочлены праманам тривидхам, то как отдельный документ.

Об изменении семантики термина агама в поздних шастрах мы уже упоминали (чаще всего это либо доказательство собственности, либо просто документ).

Соответственно мы можем говорить о различной семантике юридических терминов, которая меняется в зависимости от контекста и, как мы пытались показать в своей работе, можно определить сравнительную древность тех или иных представлений в ходе эволюции правовой ветви дхармашастры, но мы не вправе считать, что правовые представления архашастры древнее таковых в дхармашастрах (хотя право, безусловно, начало развиваться в школах архашастры), так как сложившиеся в одно и то же время представления выражены в разнохарактерных и разновременных текстах различной терминологией и в рамках разных традиций — терминологией, которая берет начало у истоков традиций; а сами эти представления, надо полагать, сложились задолго до «Архашастры» и «Ману», «Яджнавалкьи» и т. д.

Со складыванием правовой ветви дхармашастры большинство поздних смрити продолжают рассматривать ритуальные темы, используя уже знакомые нам понятия агама и прамана. Так, в соответствии с «Атрисамхитой» (ст. 155): «Их (дваждырожденных) указания пусть будут авторитетны (для выяснения того), правильно (это) или же ложно»⁶⁴ (см. также «Ангираса-смрити» I.28). «Катьяяна-смрити» XXVII.16 отмечает: «Авторитетность, которая будет в шрути...»⁶⁵, а в тексте XXVIII.17 составитель той же смрити пишет: «Где (наблюдается) противоречие между высказываниями, там имеет большее значение (их) авторитетность; но при равенстве авторитетов таким же образом объявлено (авторитетным) логическое рассуждение»⁶⁶ (см. также «Ведавьяса-смрити» I.4, «Парашара-смрити» VIII.16). В тексте «Брхатпарашара-смрити» X.122 говорится: «(Теперь) я объявляю должное правило о дарении шкуры черной антилопы, и правило имеет авторитет для того брахмана, которому дается

⁶³ nahi pratyarthini prete pramāṇam sākṣiṇām vacah/sākṣimat karaṇam tatra pramāṇam syād viniścaya//.

⁶⁴ teṣam vacah pramāṇam syādrtaścānrtameva ca.

⁶⁵ pramāṇikaṃ śrūtau yat syād...

⁶⁶ virodhe yatra vākyānām prāmāṇyam tatra bhūyasam/tulyapramāṇatve tu nyāya evam prakīrtitah//.

(дар)»⁶⁷. В других текстах упоминается соответственно випрапрамана («Брхатпарашара-смрити» XI.280) и ведапрамана («Брахмоктаяджнавалкья-самхита» I.37, см. также III.14 в той же смрити, ср. «Брхадйогияджнавалкья-смрити» XI.43). Наконец, по словам «Брахмоктаяджнавалкья-самхита» III.166: «Следует считать лишенной „авторитетности“ ту, которая принуждает дать (ей) другого жениха, (или) похищенную хитростью ворами девицу, (если) она выдана замуж»⁶⁸.

Однако в других местах термин прамана употребляется без сакрального оценочного оттенка. Так, в «Вишну-смрити» говорится, что царь в дарственном документе должен упомянуть о «достоинствах», «авторитетности» своих родственников⁶⁹. В правовых текстах той же смрити термин приобретает юридическую семантику, например: «(Документ), написанный собственноручно, но в отсутствии свидетелей, — он, (если его) принудили составить насильственно, лишен законной силы»⁷⁰. Согласно другому месту «Вишну-смрити»: «(Если) назначенный свидетелем умер или же ушел в другую местность, названные им свидетели суть прамана (валидны)»⁷¹.

Приведенные тексты поздних смрити позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, термин прамана не всегда имеет в них ритуальную семантику (его семантика временами сопоставима скорее с той, которая представлена в «Архашастре»). Во-вторых, если они и свидетельствуют об определенной семантической эволюции, то только в правовом контексте, т. е. в конечном итоге под влиянием материала, содержащегося в архашастре. Кроме того, поздние смрити не свидетельствуют о какой-то эволюции семантики ритуальных терминов в I тыс. н. э. — она произошла значительно раньше, уже в сутрах, и сама семантика определяется контекстом.

Это же наблюдение имеет силу применительно к термину агама. В значениях «обычай», «традиция» в поздних смрити он почти не засвидетельствован (здесь весьма распространен термин ачара с теми же значениями: садачара в «Парашара-смрити» I.20, ачара в «Парашара-смрити» II.1, «Брхатпарашара-смрити» I.47, «Вашишта-смрити» I.3,12 и т. д.). В ритуальном контексте термин получает знакомую семантику «приобретение», «постижение», т. е. близкое к его этимологии, например, в формах дивьяагама («Врддхахарита-смрити» VIII.240), шастрагама («Брхадйогияджнавалкья-смрити» XII.19 — заимствование из «Ману»). В «Апастамба-смрити» VIII.8 перечисляются «(потребление) пищи шудры, прикосновение к шудре, совместное с шудрой сидение, приобретение знаний от шудры...»⁷².

В правовом контексте, напротив, этот термин, как и прамана, получает правовую семантику, что видно на примере текста «Вишну»: «Если (что) будет использоваться должным образом при наличии пользования, сопряженного с законным (его) основанием, то отчуждатель получает (в собственности); пусть это (имущество у него) никогда не отбирают»⁷³.

С включением правового материала инкорпорировавшие его дхармашастры — это частные дхармические наставления брахманских учеников — постепенно становятся авторитетами права. Одновременно с включением в них материала архашастры последняя начинает исчезать как

⁶⁷ *kr̥ṣṇajinasya dānasya pravakṣyāmi śubham vidhiṃ/pramāṇam ca vidhiryasya yasmai vipraya diyate//.*

⁶⁸ *apramāṇātu sā jñeyā varamanyaṃ pradāpayet/cchalenāpahṛtā kanyā corairyadi vivāhita//.*

⁶⁹ *svavamśyānantarapramāṇam* — The Smṛiti Sandarbha. — Gurumandal Series, Calcutta, 1952, № IX (далее — SmS), p. 411.

⁷⁰ *svahastalikhitamasākṣikam/tadbālātkaritamapramāṇam* — SmS, p. 423.

⁷¹ *udīṣṭasākṣiṇi mṛte deśāntaragate vā tadabhihitajñātaraḥ pramāṇam ...* — SmS, p. 424.

⁷² *sūdrānaṃ sūdrasamparkaḥ sūdreṇaiva sahāsanam/sūdrātjñānāgamah ...*

⁷³ *sāgamena ca bhogenā bhuktam samyagyadā bhavet/āhartā labhate tatra nāpaharyantu tat kvacit//* SmS, p. 419.

жанр, хотя авторитетным правовым текстом она становится, по всей видимости, уже на стадии включения в дхармашастры. Этот процесс приводит к элиминированию важных тематических разделов артахашастры и превращению ее в нитишастру, хотя вскоре и эта последняя прекращает свое существование. О приобретении дхармашастрой авторитета правового текста, весьма вероятно, свидетельствует наряду с утратой авторитета артахашастрой появление юридического текста типа «Нарада-смрити», т. е. в последнем случае происходит закрепление и оформление дхармашастры в виде отдельного правового текста. Однако многие дхармашастры продолжают излагать правовой материал наряду с обрядовым. Все они, независимо от ветви жанра, не могут не быть ритуальными текстами: как правовые, так и обрядовые нормы дхармашастры не дифференцированы с точки зрения дхармы — адхармы. Они ориентированы на садачара — поведение благочестивых, добродетельных (которое покрывает и поведение царя-кшатрия), на все то, что направлено на достижение дхармы и позволяет избежать адхармы — ритуально осмысляемого зла. По словам Д. Деррета, дхарма включает в себя те акты, которые имеют ценность с точки зрения социальной, этической и религиозной. Адхарма, напротив, означает неблагоприятный эффект запрещенного акта (включающего грех). Со своей стороны, «дхарма может требовать неотклонения от шастрически воспринимаемой практики обычая (см. Медхатитхи на «Ману-смрити» VIII.41,46)»⁷⁴. «Практика обычая» обозначает здесь то, что сам Д. Деррет называет «локальными потребностями»⁷⁵, а Р. Ленга — «имеющим хождение обычаем»⁷⁶. Однако на этом вопросе следует остановиться особо, а именно под тем углом зрения, под которым дхармашастры рассматриваются в историографии довольно редко: вероятно, превращение дхармашастры в авторитет права должно было сопровождаться определенными преобразованиями текста, организуя систему права правовой ветви дхармашастры, и эти преобразования должны быть заметны при сравнительном анализе текста ранних и более поздних дхармашастр.

ARTHAŚĀSTRA AND DHARMAŚĀSTRA: LAW AND THE INTEGRATION OF GENRES

A. M. Samozvantsev

The author studies the terminological systems of the arthaśāstra and the dharmāśāstra, picking out, as inherent in both these genres, the use of special terms which organise the law texts in blocks of legal information. For example: in the arthaśāstra such terms are *karāṇa*, *svakarāṇa*, *deśa*, in the dharmāśāstra *āgama*, *pramāṇam trividham*, *likhitam*. In the author's opinion the origins of the arthaśāstra tradition lie in early works of this genre which have not survived. The genre is fully developed in the unique document, the *Arthaśāstra*. The origins of the dharmāśāstra tradition may be found in the dharmasūtras, religious-ceremonial texts in which the legal terms of the dharmāśāstras have their original religious meaning. However, in the process of integration of the arthaśāstras and the dharmāśāstras (which went through two stages: A the integration of the arthaśāstras and dharmasūtras and B the integration of the arthaśāstras, the *Arthaśāstra* and the dharmāśāstras), with the inclusion in the dharmāśāstras of more and more arthaśāstra legal material, the semantically ritual terms of the dharmāśāstra change their semantic content to a legal one. This process is especially clear in the case of the *Manu* dharmāśāstras and the *Yājñavalkya*. On the other hand, the arthaśāstras also were plainly influenced by the dharmāśāstras, as witness certain terminological borrowings by the former from the latter. Consequently one must acknowledge, in the first place, that there were two traditions of legal terminology specific to two genres — the arthaśāstras and the dharmāśāstras and that, in the second place, the interaction of one genre with the other led to substantial changes in these terminological systems. At the same time they remained perfectly stable and in balance.

⁷⁴ Duncan J., Derrett M. *Dharmaśāstra and Juridical Literature*. Wiesbaden, 1973 p. 4.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 18.

⁷⁶ *Lingat R.* *The Classical Law of India*. Los Angeles, 1973, p. 167 f.